

НА МИУСЕ, ГОД 1943-й

В феврале 1943 года наша 320-я стрелковая дивизия освободила Азов. Через несколько дней взяли деревню Вареновку. Перед нами предстал, как будто рядом, Таганрог. Нас «поздравляли» около сотни «юнkersов». Только этого нам не хватало. Сил для открытия даже маленького окопчика уже не было. Мы недосчитались многих наших товарищей.

У Таганрога мы встретились с хорошо и заранее подготовленной обороной противника. Это была его знаменитая оборона на реке Миус. Сделали две попытки поднять остатки войск в атаку. Только потеряли людей, и в Ставке поняли, что наши возможности исчерпаны.

Мы стали всерьез вгрызаться в землю. Рыли окопы в полный профиль, ходы сообщения, землянки для командования дивизии. Нечего было есть, обозы безнадежно отстали. Перешли на самоснабжение. Из каждого взвода выделили по два-три человека. Они уходили на рассвете и к обеду приносили два-три ведра рыбы. Чистили, варили и ели ее досыта, но без хлеба, без соли. Ночи выдались холодные, и на завтрак всегда был рыбный холодец. Так мы прожили две недели, пока подвезли сухари, а потом подошли кухни.

Проблемой были для нас насекомые в одежде. Мы страшно завшивели. Сидеть спокойно было невозможно: все время крутились и чесались. И

ничего удивительного — более трех месяцев продолжалось наступление. До этого мы месяц пролежали в черной степи. И за все это время ни разу не раздевались. В хатах всегда спали на полу, подстелив охапку сена и укрывшись шинелью. На ночь снимали только сапоги и расстегивали ремни.

Одно чувство нас согревало и вело вперед: чувство, что мы освобождаем родную землю. Это чувство нам частенько заменяло еду, сон, отдых. В мае приехали дезстанции. Пропарили нашу одежду. Мы согрели воду в бочках, помылись, и сразу стало легко и приятно. Человек, у которого ванна дома, этого чувства не поймет. Справедливости ради надо отметить: за все время у нас не было ни одного случая заболевания сыпным тифом.

В июле 1943 года меня перевели командиром саперной роты во вновь созданную 130-ю стрелковую дивизию, с которой я провоевал до конца войны. У речушки Миус мы провозились почти полгода — редкий случай во всей войне. Быть в обороне — это отнюдь не значит отдыхать. Боевые расчеты постоянно дежурили на огневых точках. Саперы ежедневно выходили на передний край и расставляли свои игрушки-мины, ставили различные сюрпризы и ловушки. А остальные солдаты не расставались с лопатами.

Велись ежедневные мелкие стычки под общим названием

«бои местного значения». Но для каждого участника это были главные, а для некоторых из нас и последние бои в жизни.

Стали отмечать праздники, дни рождения. Примитивно, но все же. Когда сняли шинели, заметили, что среди нас есть женщины, и даже довольно симпатичные. Кому удавалось — ухаживали, ходили на свидание, целовались. Рискуя жизнью, шмыгали на бруствер, ползли на ничейную землю ради букетика полевых цветов. Влюбленные строили какие-то планы. В общем, жизнь шла, несмотря на войну, а может, благодаря войне еще более интенсивно.

Один раз я был в Ростове. Почистился, привел себя в порядок, на машину — и через два часа Ростов: Там уже работала оперетта. Прошелся по Буденновскому проспекту. В городском саду играл духовой оркестр, продавали мороженое, правда, фруктовое, но такое вкусное, что до сих пор помню его вкус.

За два года на фронте я настолько одичал, что мне казалась странной гражданская жизнь: спать на кроватях, есть из тарелок, как будто нет универсальных котелков. Я отвык от вилок, которые вроде стали ни к чему. Ведь ложка была на все случаи жизни. Если бы мне тогда сказали, что вилка будет не одна, а несколько, что будет важно, что и с какой стороны поло-

жить и какой рукой есть, я бы посчитал это за анекдот.

На месте будущего прорыва мы изучили каждый кустик, каждый камешек. Знали все огневые точки противника. За лето мы отъелись, отмылись. Все части стали полнокровными, боевыми. Мы почувствовали помощь союзников. Артиллерия получила «студебеккеры» и «доджи». Наконец, мы смогли избавиться от наших верблюдов, которые шли от самой Астрахани, за что 28-я армия получила прозвище, «верблюжьей». У начальства появились «виллисы», а у нас на обед тушенка.

Вот в такой обстановке в последние дни августа на рассвете после самой мощной артподготовки, какую я слышал раньше, после того, как всю ночь саперы делали проходы в минных полях, своих и противника, наши полки неожиданно без больших потерь форсировали Миус, взяли Матвеево-Курган и двинулись в обход Таганрога. В тылу фашистов совершали стремительный рейд танкисты и конница. Гитлеровцы почувствовали угрозу «мешка», стали быстро откатываться к Мариуполю.

За успешные действия по освобождению Таганрога наша 416-я дивизия получила наименование «Таганрогской».

Л. СПИВАК.

Участник освобождения Таганрога.